

Ся Сяому посмотрел на Нин-Нин. Конечно, Нин-Нин была согласна, она даже не думала, что в частной жизни мужской бог Лу действительно такой доступный, он даже сделал ей только что чай.

И еда с таким красивым и уравновешенным мужчиной просто радовала сердце, была приятной и несла счастье, и все ее существо было готово к полету.

Она потянула Ся Сяому за руку: «Да, да, ты можешь, сейчас как раз время поесть».

Ресторан находился на верхнем этаже пятизвездочного отеля, и, едва войдя внутрь, Нин-Нин остановила Ся Сяому, покачала головой и вздохнула.

«Он угостил нас этим ужином на сумму более шести тысяч юаней».

Лу Цзинхань: «Не стесняйтесь, берите все, что хотите, если не хотите брать, вот меню, попросите кого-нибудь прийти и принести это для вас».

Нин-Нин: «Спасибо господин, мы справимся с этой непосильной задачей».

Роскошное и светлое помещение наполнено изысканными блюдами, приготовленными из лучших ингредиентов, доставленных со всего мира.

Японские сашими, мраморная говядина, французская фуа-гра, австралийский омар, королевский краб, блюда китайской кухни, включая акульи плавники, утку и морское ушко.

Здесь также есть множество изысканных дим-самов и десертов, почти тысяча блюд, расположенных на целых двух этажах огромного роскошного заведения.

Искушение едой превосходит искушение мужским богом, к тому же в такое место нельзя прийти просто потому, что хочется - Нин-Нин носила в руках тарелку, выбирая еду, а Ся Сяому было все равно.

Хотя Ли Хай не мог понять, как брат Хань относится к Ся Сяому, он знал, что в это время лучше не подходить, поэтому он избегал их двоих и ел в одиночестве.

Ся Сяому сказала Лу Цзинханю, который был рядом с ним: «Здесь так много видов еды, я не знаю, что выбрать. И я уверен, что не смогу попробовать их все, какая жалость».

Лу Цзинхань: «Тогда выбирай только то, что тебе нравится».

Ся Сяому улыбнулся: «На этот раз я действительно заслужил это, помогая старшему готовить».

еду и получая такое роскошное угощение».

Рядом с ним находился белый стол, за которым стояли два повара, разделяющие едва вышедшую из духовки ароматную жареную утку, а официант раскатывал блины для клиентов, Ся Сяому остановился и заказал два.

Лу Цзинхань тоже заказал два, как и он.

После раунда Ся Сяому выбрал почти все китайские блюда. Здесь были суп из акульих плавников, крабовые пельмени, хрустальные пельмени с креветками и спринг-роллы с сырыми креветками.

Лу Цзинхань спросил его: «Разве ты не хочешь посмотреть секцию западной кухни и японскую кухню?»

Ся Сяому посмотрел на японских мастеров, которые делали суши и нарезали сырую рыбу: «Я, наверное, наемся досыта, прежде чем смогу съесть это сегодня, но какая жалость, я все еще хочу попробовать темпуру».

Лу Цзинхань набрал себе еды и беззаботно сказал: «В следующий раз приходи за добавкой».

Ся Сяому поднял голову и пошутил с ним: «В следующий раз тоже будешь меня угощать?»

Лу Цзинхань встретился с его яркими, хитрыми глазами и не мог не улыбнуться: «Хочешь поесть? Это зависит от твоей производительности».

Поведение Лу Цзинханя всегда было спокойным, и он казался довольно пугающим, когда не улыбался, но, проведя с ним время, он обнаружил, что он был мрачен с окружающими.

Это не страшно, но особенно приятно, когда вы можете рассмешить такого человека.

Ся Сяому не мог не быть еще более либеральным к своей бедности, и он выдохнул: «Значит, еще есть шанс притереться к старшему, похоже, мне придется потрудиться, чтобы нарисовать для него хорошую фреску».

Его глаза сверкнули от удивления, а красивое лицо счастливо улыбнулось, обнажив белоснежные зубы. В этот момент он был словно яркий солнечный свет и как звезды на небе.

Нельзя было отрицать, что каждое его движение, каждое слово и поступок заставляли чувствовать себя счастливым, а прогулка рядом с ним расслабляла и поднимала настроение.

После еды Лу Цзинхань обнаружил, что Ся Сяому предпочитает китайские дим-самы западной и японской еде. Больше любит рыбу и креветки, чем говядину. Чай всегда выбирает сорта Дарджилинг, а на десерт дважды брал шоколадный муссовый торт и макарены.

Лу Цзинхань молча наблюдал за ним, сидя у окна и поедая пирожное маленькой ложечкой, верхний свет падал на его лицо, и как и десерт на его тарелке, он был прекрасный и нежный.

Благодаря этому моменту, бог-мужчина, который изначально был высоко в облаках, теперь выглядел так, как будто он спустился в мир смертных, и Нин-Нин была гораздо более открыта для разговора с ним: «Почему вы решили нарисовать фреску, старший?»

«Дом слишком однообразен, я хочу добавить немного цвета, и...» - он посмотрел на Ся Сяому: «Когда великий художник станет знаменитым, работа, которую я купил по такой цене, будет отличной сделкой».

Ся Сяому улыбнулся: «Не дразни меня».

Лу Цзинхань: «Я точно знаю, что у моего дедушки наметанный глаз и он никогда не ошибается».

Глаза Нин-Нин метались туда-сюда: неужели из-за дедушки Лу этот мужской бог так хорошо заботился о Сяому?

Ся Сяому пришла в голову одна мысль: «Старший, краски для фрески - будет лучше, если я пойду и выберу их сам, у некоторых марок разные номера цветов, я боюсь ошибиться».

Лу Цзинхань: «Да, я отведу тебя туда позже».

«А? Но я должен пойти с Нин-Нин купить кровать позже».

Лу Цзин Хань: «Купить кровать?»

Нин-Нин вгрызлась в ногу королевского краба в своей руке и объяснила ему: «Мы собирались купить кровать сегодня, но старший позвал нас к себе. Если у нас не будет кровати, бедняжке Му-Му придется сегодня снова спать на диване».

Лу Цзин Хань спросил Ся Сяому: «Ты спишь на диване?»

Не дожидаясь ответа Сяому, Нин-Нин заговорила первой: «Хм, малыш Му-Му переехал к нам в спешке и спал в одной комнате со мной, поэтому не успели купить для него кровать».

Лу Цзинхань посмотрел на Ся Сяому и больше ничего не сказал.

<http://bllate.org/book/15896/1419167>